

УДК 801.73

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВРЕМЯ И ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
(на материале повести А. С. Пушкина «Метель»)

Т. А. Карпинец

TIME AND THE LANGUAGE MEANS OF ITS REPRESENTATION
(as revealed in A. S. Pushkin's "Blizzard")

T. A. Karpinets

В статье рассматривается художественное время как универсальная категория семантического пространства текста. Анализируются традиционные представления о времени и их языковая репрезентация в конкретном художественном произведении.

The article focuses on time as the universal category of semantic space of the text. Traditional ideas of time and their language representation in the particular work of art are analyzed.

Ключевые слова: художественное время, семантика, темпоральная лексика, лексико-семантическая группа, архетипическое значение.

Keywords: time, semantics, temporality lexics, lexical semantic group, archetype meaning.

Рассмотрение художественного текста как семантической структуры, формируемой набором языковых знаков и их значений, выдвигает проблему категоризации содержания. Одной из универсальных категорий содержательной стороны художественной реальности является (наряду с пространством) время. Ведущая роль в разработке данных категорий в их взаимосвязи принадлежит М. М. Бахтину, который применил термин *хронотоп* и разработал теорию хронотопа, указав на главенство временных примет в осмыслении художественного целого: «причем в литературе ведущим началом в хронотопе является время» [3, с. 234].

Множественность подходов к выявлению феномена времени детерминирует неоднозначность его толкования. Традиционное представление, предполагающее деление на циклическое и линейное время [3, с. 192; 4, с. 103; 8, с. 120 и др.], применимо и к рассматриваемому произведению. Первоначальное циклическое (кольцевое, круговое, природное, фольклорное, мифологическое) восприятие времени представляет собой последовательность однотипных событий, повторяемость жизненных циклов, вращение по кругу. Повесть «Метель» начинается с обрисовки именно такого бытия: «...жил в своем поместье Ненарадове добрый Гаврила Гаврилович Р**. Он славился во всей округе гостеприимством и радушием; соседи поминутно ездили к нему поест, попить, поиграть по пять копеек в бостон с его женою». Как отмечает М. М. Бахтин, поместье – это место циклического бытового времени. «Здесь нет событий, а есть только повторяющиеся «бытования»... Приметы этого времени просты, грубо материальны, крепко сростись с бытовыми локальностями» [3, с. 304].

Признаком мифологического времени является также антропоморфность природы («ветер выл»), зависимость от нее человеческих судеб, согласованность ее ритмов с ритмами человеческой жизни. Название повести указывает на природное явление, ставшее решающим для судеб героев. В славянской мифологии метель осмысливается как действие злых духов: «...поселяне наши убеждены, что зимние вьюги и метели посылаются нечистой силою» [1, с. 10].

Одним из обязательных, в данном случае сюжетобразующих, элементов, свидетельствующих о принадлежности к мифологическому временному пласту, является мотив создания семьи, свадьбы. Мотив метели и мотив свадьбы оказываются взаимосопоставимыми. В стихотворении Пушкина, относящемся к тому же периоду творчества, что и «Повести Белкина», метель представлена как бесовской шабаш («закружились бесы разны...»), свадьба нечистой силы («Ведьму ль замуж выдают...»). Согласно мифологическим поверьям, «крутящиеся вихри представлялись чертовой свадьбой» [1, с. 330].

Человек, осознающий себя в циклическом временном континууме, должен действовать согласно установленному ритуалу, как все, как поступали люди испокон веков, поддерживать порядок, установленный предками. Герои же нарушают запрет родителей вступать в брак и за это наказываются, их планы не осуществляются. Причем наказание исходит от природной стихии – метели, – после которой Марья Гавриловна обречена на болезнь и «три года сетований», Бурмин страдает от «ужасной тайны» и считает себя «несчастнейшим созданием», Владимиру суждено быть «в числе отличившихся и тяжело раненых под Бородином», а затем умереть «в Москве накануне вступления французов».

Линейное время связано с представлением об одностороннем культурно-историческом развертывании событий, их уникальности, единичности, необратимости жизненного процесса, оно предполагает эволюцию, развитие. Форма конкретизации линейного времени получила особое развитие в художественной литературе XIX века в виде «привязки» действия к реальным историческим ориентирам [4, с. 100]. В рассматриваемом произведении линейное время можно дифференцировать в соответствии с конкретными историческими событиями и культурными процессами. Обрисовка исторического фона в «Метели» точна и достоверна: 1812 год, война с французами. Семантика войны репрезентируется языковым материалом: темпоральной лексикой («В конце 1811 года, в эпоху нам достопамятную», «В начале 1812 года»), обозначением воинских объединений и званий (полк, войско,

армия, офицеры, уланы, армейский прапорщик, гусарский полковник, корнет, капитан-исправник), историческими топонимами (Бородино, Вильна), номинацией соответствующих реалий («... в числе отличившихся и тяжело раненых», «обвешанные крестами», «с Георгием в петлице», «завоеванные песни: *Vive Henri-Quatre*»).

В культурном отношении пушкинское творчество во многом связано с идеями пришедшего из Европы романтизма, атрибуты которого лексически выражены в тексте: «Марья Гавриловна была воспитана на французских романах и, следственно, была влюблена»; «романтическое воображение»; «романтическое объяснение»; «Бурмин нашел Марью Гавриловну у пруда, под ивою, с книгою в руках и в белом платье, настоящей героинею романа»; «Марья Гавриловна вспомнила первое письмо *St.-Preux*» и т. п.

Признаком линейного времени является ориентация на индивидуализацию событий и их участников, стремление личности распорядиться жизнью по своему, проявить самостоятельность. Маша и Владимир идут вопреки воле родителей, решаются на тайный брак, совершают побег. Бурмин венчается с девушкой, которую видит в первый раз. При этом романтические модели поведения героев расходятся с существующими традициями.

Ю. А. Степанов, исследуя развитие концепта «время», выделяет также третий тип: время разом данное, «когда «настоящее», «прошлое» и «будущее» мыслятся как бы разом, одновременно данными сознанию человека и одновременно присутствующими в определенной его действительности» [8, с. 124]. Такое представление о времени соединяет в естественном синтезе характеристики цикличности и линейности и свойственно христианскому сознанию, языковыми фактами которого в художественном тексте Пушкина являются понятия: *Бог, церковь, часовня, паперть, налой, священник, поп, батюшка, венчание, перекреститься, благословить*. Христианское мировосприятие предполагает главенство в системе ценностей как отдельного человека, так и всего общества моральных постулатов, ответственность за совершаемые в любой промежуток времени поступки, внутреннее восхождение, стремление к «точке, в которой – во времени и пространстве – совершится высший акт Эволюции, слияние человеческих сознаний с Христом» [8, с. 267]. Для персонажей повести заключенный в церкви брак является священным, они остаются верны клятве, данной перед алтарем. Владимир просит в письме «забыть о несчастном, для которого смерть остается единою надеждою». Объяснение Марьи Гавриловны и Бурмина есть не что иное, как прощание: «я никогда не могла быть вашею женою»; «...я несчастнейшее создание... я жена!». Герои, пережившие личную драму, приходят к христианскому смиреннию.

В художественном тексте временные типы четко не дифференцируются, темпоральные различия стираются [2, с. 197]. Переплетение временных значений, их контаминация специфически актуализирована в данном произведении. Основные события в «Метели», по всей вероятности, приурочены к Святкам: Бурмин датирует свою «преступную проказу» (венчание с незнакомкой) «началом 1812 года». Святки, осмысля-

емые как христианский праздник, имеют в своей основе древние мифологические представления. Это период хаотичности, когда размываются пространственно-временные границы, когда происходит разрыв цикла между смертью и новым рождением природы, социума, отдельного человека. Внутренний же смысл Святков – возрождение миропорядка, движение от земного человека к Богу. Согласно традиционным представлениям, Святки считаются временем активного формирования новых брачных пар, что и происходит в повести.

В семантике художественного произведения важную роль играют лексические средства, прямо или косвенно обозначающие время изображаемых событий. Темпоральная лексика «Метели» объединяется в соответствующую лексико-семантическую категорию «Время» (238), иерархически организованную в виде трех лексико-семантических полей (ЛСП): «Неизмеряемая длительность» (145), «Измеряемая длительность» (31), «Расположение событий во времени» (62) – и содержащихся в них лексико-семантических групп (ЛСГ).

1. ЛСП «Неизмеряемая длительность» (145), представляющее циклическое время, образуют несколько оппозиционных ЛСГ

1. ЛСГ «Природно-циклическое время» (34) составляет ядро семантического поля, она представлена лексемами: *день 8, время 5, ночь 3, вечер 3, ужинать 3, зима 2, эпоха 1, рассвет 1, утро 1, отобедать 1, обед 1, смеркаться 1, полночь 1, рассветать 1, светло, пели петухи 1*. Важным и достаточно частотным обобщающим понятием в данной группе является соответствующая темпоральная лексема *время*, в этимологии которой содержится основное архетипическое значение циклического, кругового временного представления: **vermę < vertmen*, родственное *вертеть*, то есть «приводить в круговое движение» [МАС]; ср. др.-англ. *mael* «время», но ирл. *meall* «круг»; алб. *kohë* «время», но греч. *κύκλος* «круг»; русск. *колесо*, но греч. *καίρος* «время» [7, с. 91].

Природное время в соответствии с архаичным восприятием сакрализуется и включается в систему ценностей, главными координатами которой являются *хорошее (благоприятное) – плохое (неблагоприятное)*. «Хорошее» время, приносящее человеку здоровье, счастье, – это утро, день, лето, «плохое» время, приносящее болезнь, горе, – это вечер, ночь, зима. Такую аксиологическую семантику подтверждают этимологические данные. Например, *вечер* восходит к корню, представленному латыш. *beīdet* «губить, бить»; *день* соотносится с и.-е. **dheg-* «гореть, блеснуть» [7, с. 101]. Темпоральную лексику поля, таким образом, можно представить в виде антиномии подгрупп с положительной семантикой (*день 8, рассвет 1, утро 1, отобедать 1, обед 1, рассветать 1, светло 1, пели петухи 1*) (15) и отрицательной семантикой (*ночь 3, вечер 3, ужинать 3, зима 2, смеркаться 1, полночь 10*) (13), которые являются примерно равночастотными. Кульминационное событие – венчание во время метели, ставшее для героев причиной страданий, – происходит в произведении на зимнее ночное время. Избавление от тяжелой тайны и объяснение в любви Марьи

Гавриловны и Бурмина, по всей видимости, происходит летом.

Наиболее опасным, нечистым временем, границей, проницаемой для потустороннего мира, считается полночь. Эта временная координата обозначена в эпизоде, описывающем заблудившегося в метели Владимира: «*Должно было быть около **полуночи**. Слезы брызнули из глаз его*». Полночь еще раз актуализирует соответствующий ей, по представлениям древних славян, временной промежуток – Святки, как период разгула нечистой силы, избавление от которой символизирует рассвет и крик петуха [4, с. 101]. Когда Владимир отыскал дорогу, «*Пели петухи и было уже **светло***».

Таким образом, семантика природного времени сохраняется в повести архетипические значения, восходящие к мифологическим истокам, и указывает на сопряженность происходящих событий с всеобщими бытийными циклами.

2. ЛСГ «Время существования человека» (20) задает оппозицию групп: «жизнь» (10) (*жизнь 4, жить 3, существовать 2, жив 1*) – «смерть» (10) (*смерть 3, умирать 3, смертельно 1, скончаться 1, уморить 1, у края гроба 1*). Равное соотношение лексем в обозначенных группах говорит о гармоничном соотношении данных понятий в текстовом пространстве. Осмысление данной фундаментальной оппозиции в «Метели» не противоречит архетипическим представлениям, согласно которым смерть – это не окончательное уничтожение, а переход в иную форму существования. Жизнь и смерть теснейшим образом связаны между собой. И то, и другое – лишь разные стороны единого круговорота бытия. Гибель Владимира в сражении («*Владимир уже **не существовал**: он умер в Москве, накануне вступления французов*») оказывается в преемственной связи с жизнью нации, с победой русских над Наполеоном («*Между тем война со славою была кончена*»). После смерти еще одного героя – отца Маши («*Гаврила Гаврилович скончался*») – следует создание новой семьи: Марьи Гавриловны и Бурмина. У А. С. Пушкина смерть не задает границы жизни, а включается в ее общее течение.

3. ЛСГ «Возраст человека» (16) включает дихотомию групп: «молодой» (7) (*молодой 3, девица 1, девический 1, мальчик 1, возмужав 1*) – «старый» (9) (*старик 4, старый 2, старушка 2, седой 1*). В объем значений темпоральной лексики данной группы входят компоненты, характеризующие общественный уклад, быт. Так, слова *дитя, девочка* восходят к и.-е. корню *dhēi- (dhoi-)* “доить, сосать, кормить грудью”, слова *молодой, мальчик* – к корню *(s)mēlo (tōlo-)* “молодое или некрупное домашнее животное”. Русск. *старый* имеет в основе *stā-* “стоять, быть прочным” [10, с. 20 – 21]. Молодость ассоциируется с неопытностью, старость – с мудростью. Старость в традиционном русском обществе заслуживает преклонения, понимается как достижение высокого положения, авторитета. Образ отца (мудрого старика) появляется в сновидении Маши («*отец ее останавливал ее... и бросал в темное, бездонное подземелие*»), он символизирует наказание за непослушание. Старик с бородой («*ставень поднялся, и старик высунул свою седую бороду*») помогает Владимиру, объясняет его

местонахождение и дает проводника. В мифологической системе бинарных противопоставлений положительная оценочная семантика закрепляется за понятием *старый*. Превалирование лексем соответствующей группы в тексте подтверждает, что именно ему отдается предпочтение.

4. ЛСГ «Фазы протекания событий во времени» (29) распадается на две семантически противоположные группы: «начало» (12) (*начинать 6, первый 3, начать 1, начало 1, сперва 1*) – «конец» (17) (*наконец 7, конец 4, последний 2, конченный 2, оканчивать 1, кончиться 1*). Небольшая разница в частоте употребления лексем данных групп позволяет говорить о их примерной равноценности. В мифологическом мышлении данные понятия взаимосвязаны, одно из них вызывает неизбежное представление о другом. Корень *end* “конец”, повторяющийся в ряде слов индоевропейских языков с соответствующим значением, обозначает единство божественного Начала и Конца (ср. др.-инд. *adi* “начало”) [7, с. 120]. Экспозиция событий, сыгравших решающую роль, в первом предложении текста датируется «*концом 1811 года*», вскоре в метельную ночь с героями случаются неприятности. В объяснении Марьи Гавриловны и Бурмина, внезапно завершившемся счастливым узнаванием, присутствует рассказ о происшествии, отнесенном к «*началу 1812 года*». Показателен тот факт, что в текстовом фрагменте, изображающем метель сквозь призму восприятия «*несчастливого*» Владимира, несколько раз упоминаются однокоренные образования с семантикой конца («*Наконец он увидел, что едет не в ту сторону*»; «*полю не было конца*»; «*Наконец в стороне что-то стало чернеть*»; «*роце не было конца*»), имеющей негативную оценку: англ. *end* “конец”, но др.-инд. *andha* “черный цвет”, обозначающий подземный мир, Хаос [7, с. 121]. В рассказе Бурмина, напротив, несколько раз повторяется глагол *начинать* в соответствующей форме («*Прикажете начинать?*» – «*Начинайте, начинайте, батюшка*»), что репрезентирует положительную оценку: др.-инд. *a-rabh-* “начинать”, тох. *A rape* “гармония, порядок, музыка”; др.-инд. *adi* “начинать”, алб. *andë* “удовольствие” [7, с. 66]. Глубинная семантика начала прогнозирует быть счастливым спонтанно заключенному браку.

5. ЛСГ «Скорость протекания событий во времени» (24) содержит диаду групп: «быстрый» (17) (*броситься 2, скорее 2, поскорее 1, быстрота 1, лететь 1, полететь 1, спешить 1, поспешить 1, бежать 1, подбежать 1, нестись 1, торопиться 1, ободриться 1, выпрыгнуть 1, рысь 1*) – «медленный» (7) (*уствовать 1, приставать 1, чуть ступать 1, замешкаться 1, замешательство 1, шаг 1, долго 1*). Данная антитеза соотносится с рассмотренным выше противопоставлением. Один из вариантов первичного корня, выражающий нерасчлененное понятие начала/конца (и.-е. **konos*), означает “творение, работа, активность”, что вызывает представление о динамичности, высокой скорости протекания событий. Причем в описании того, как во время метели заблудился Владимир, употреблены низкочастотные для всего произведения лексемы с семантикой «медленный»: «*Лошадь начала **уствовать***», «*Лошадь его **чуть ступала***», «*бедное животное... скоро стало **приставать** и через*

четверть часа пошло шагом». Во фрагменте текста, изображающем последовательность событий, происходящих с Бурминым, обращает на себя внимание ускоренный темп действий: «*спешил в Вильну*», «*поскорее закладывать лошадей*», «*выходи скорее*», «*священник торопился*», «*бросился в кибитку*». Глагол *спешить*, производный от **spesъ*, родствен существительному *успех*; болг. *спех*, слов. *spekh*, что означает «поспешность, процветание», лат. *spes* – «ожидание, надежда» [9, с. 734]. Поспешное венчание Бурмина оборачивается в итоге созданием благополучной семьи.

6. ЛСП «Особенность протекания событий во времени» (22) состоит из антиномии групп «постоянный» (15) (*постоянство 2, обыкновенный 2, привычка 2, обыкновение 1, беспрестанный 1, вечный 1, верность 1, по-прежнему 1, ежедневно 1, опять 1, снова 1, девственная Артемиза 1*) – «внезапный» (7) (*неожиданный 2, очутиться 2, внезапный 1, вдруг 1, едва выехал ..., как поднялся ветер 1*). Важным представляется количественное превосходство лексем первой группы. Неожиданные происшествия во время метели (исчезновение Владимира, венчание Маши и незнакомца) нарушают привычное течение жизни. В финале повести прояснение невероятного недоразумения способствует восстановлению традиционного жизненного уклада, характерной особенностью которого является постоянство, стабильность, повторяемость привычных явлений.

II. ЛСП «Измеряемая длительность» (31) (*минута 10, поминутно 6, год 5, час 4, полчаса 1, месяц 1, неделя 1, семнадцатилетний 1, сорокалетний 1, двадцать шесть лет 1*) репрезентирует линейное время. Данные темпоральные лексем воспринимаются как знаки времени частного человеческого существования, времени повседневного, которое подлежит измерению и может планироваться. Древняя практика, реликты которой сохранились в обыденном сознании до наших дней, предполагает количество затраченного времени измерять преодоление пространства [6, с. 64]: «*езды всего двадцать минут*», «*уже прошло более получаса, а он не доезжал еще до Жадринской рощи*», «*прошло еще около десяти минут, а рощи было не видать*». Невысокий показатель частоты лексем данного поля на фоне других групп в пределах текстового пространства актуализирует семантику невозможности человека всецело распоряжаться временем.

Литература

1. Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу / А. Н. Афанасьев. – М.: Индрик, 1994. – 400 с.
2. Бабенко, Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа / Л. Г. Бабенко. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. – 464 с.
3. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // М. М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975.
4. Есин, А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения / А. Б. Есин. – М.: Флинта, 2005. – 248 с.
5. Зворыгина, О. И. Время в русской литературной сказке / О. И. Зворыгина // Русская речь. – 2009. – № 3.
6. Люцидарская, А. А. Хронотоп первых сибирских колонистов / А. А. Люцидарская // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. – Томск: Аграф-Пресс, 2010. – С. 64 – 67.
7. Маковский, М. М. Историко-этимологический словарь английского языка / М. М. Маковский. – М.: Диалог, 2000. – 418 с.

III. ЛСП «Расположение событий во времени» (62), представленное оппозицией групп «отнесенность к настоящему» (12) (*тотчас 4, теперь 2, однажды 2, сегодня 1, отныне 1, тут 1, всегда 1*) – «отнесенность к прошлому / будущему» (50) (*уже 11, скоро 4, никогда 4, еще 3, некогда 3, между тем 3, после 3, поздно 2, накануне 2, давно 2, следующее 1, последствия 1, тогда 1, тогдашние 1, предзнаменование 1, иногда 1, до сих пор 1, когда-нибудь 1, навсегда 1, потом 1, прежний 1, вчерась 1, спустя 1*), соотносится с разом данным типом времени, свойственным христианскому восприятию. Такие темпоральные лексем указывают на осознание временных координат и связанных с ними событий. Важным свойством художественного времени является дискретность, проявляющаяся в том, что наиболее значимое в смысловом отношении событие изображается во всех подробностях, а другие лишь обозначаются отдельными штрихами [4, с. 98]. Описание событий метели, произошедших в течение вечера и ночи, занимает пять из десяти страниц текста, при этом развитие действий в повести охватывает три года. Кроме того, в анализируемом произведении наблюдается временной сдвиг – ретроспекция, то есть возврат к уже указанному событию. Временные отклонения, существуют в таком повествовании, где есть тайны [2, с. 194]: «*венчаться тайно*», «*тайна была сохранена*», «*тайна... всегда тягостна женскому сердцу*», «*открыть вам ужасную тайну*». Объяснение между героями происходит через «*три года сетований*» после венчания в метельную ночь. Временная конкретика *три года* свойственна русской народной сказке [5, с. 115]. Причем архетипические значения числа *три* (три главных персонажа, три картины метели): «гармония микро- и макромиров, примирение антагонизмов, божественный разум» [7, с. 214] – не противоречат ориентации на счастливую развязку, предполагающую, согласно фольклорному канону, воссоединение влюбленных Бурмина и Марьи Гавриловны, которые являются мужем и женой.

Таким образом, в семантическом пространстве повести А. С. Пушкина «Метель» языковые средства репрезентируют сложную иерархически организованную категорию времени, включающую различные темпоральные значения с доминантой циклического кругового представления о времени, традиционно лежащего в основе миропонимания.

8. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
9. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1986. – Т. I – IV.
10. Щербо, П. А. Особенности вербализации концепта «возраст» в системах типологически разных языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук / П. А. Щербо. – М., 2008. – 26 с.

Информация об авторе:

Карпинец Татьяна Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной истории, теории и истории культуры, КузГТУ, 8-913-302-5429, tak1302@mail.ru.

Karpinets Tatyana Anatolyevna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Russian History, Theory and History of Culture of KuzSTU.